

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

1851.

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

ЯНВАРЬ.

№ 1.

I. Провинциалка. Комедія въ одномъ дѣйствіи **Д. С. ТУРГЕНЕВА**. Стр. 1.
Ромейскія Мелодіи: 1) Умирающей Матросъ, 2) Сила Пѣсни, 3) Любовь
Армата, 4) Послѣ битвы, 5) Телонія, 6) Послѣдну Ламбриани. **Н. О. ЩЕР-**
ВИНЫ. Стр. 39.

Старый Домъ. Романъ **В. Р. ЗОТОВА**. Часть вторая: «Двѣ Сестры.
Любовь кавалера ди Серра-Флоры». Стр. 43.

Лондонскій Холостякъ. Романъ, переведенный съ англійскаго. Часть
первая. Стр. 113.

II. Записки Андрея Тимофеевича Болотова. Часть пятая. (Семилѣтняя
Война). Стр. 1.

Измѣненіе въ торговомъ положеніи Англии (Выяснившаяся политико-
экономическая теорія производительности и мѣны; таможенные преобразова-
нія; Робертъ Пиль; уничтоженіе навигаціоннаго акта; измѣненія въ колоніаль-
ной системѣ). **И. А.** Стр. 55.

III. Обзоръ современнаго движенія русскаго законодательства и распоря-
женій по государственному управленію за ноябрь 1850 года. Стр. 1.

IV. Хозяйственно-статистическій Атласъ Европейской Россіи, составленный
при Департаментѣ Сельскаго Хозяйства. Стр. 1.

Задача, предложенная Ученымъ Комитетомъ Министерства Государствен-
ныхъ Имуществъ, о составленіи «Руководства къ огородничеству и садовод-
ству». Стр. 18.

V. Русская Литература въ 1850 году. Статья первая (Богословіе.—Фило-
логія.—Теорія словесности.—Исторія литературы и просвѣщенія вообще.—Кри-
тика.—Бельетристика: стихотворенія, романы, повѣсти и рассказы.—Драма-
тическая произведенія.—Иностранная словесность.—Философія.—Русская ис-
торія). Стр. 1.

VI. Новыя книги, вышедшія въ декабрь 1850 года. Новыя сочиненія: Со-
борная Грамота духовенства православной восточной церкви, утверждающая
санъ царя за великимъ княземъ Иоанномъ IV Васильевичемъ, изд. *и. М. А.*
Оболенскимъ (Стр. 1).—Судьбы Италіи отъ паденія Западной Римской Имперіи до
возстановленія ея Карломъ Великимъ, соч. *П. Кудрявцева* (Стр. 5).—Живо-
писный Сборникъ замѣчательныхъ предметовъ изъ наукъ, искусствъ, промыш-
ленности и общежитія; изд. *А. Плюшара* (Стр. 10).—Литературные Вечера; изда-
ніе *Н. Фумели*; вечеръ второй (Стр. 15).—Указатель законовъ о властяхъ и
установленіяхъ духовныхъ, г. *Колоколова* (Стр. 23).—Тактика, сост. полковни-
комъ *Карцевымъ*, ч. I (Стр. 28).—Рѣчи, говоренныя священникомъ *Иоанномъ*
Рождественскимъ съ 1840 по 1850 годъ (Стр. 34).—Торжественное Собраніе
Московской Третьей Реальной Гимназіи (Стр. 37).—Кругъ подвижныхъ празд-
никовъ Церкви (Стр. 41).—Бухгалтерія теоретико-практическая, соч. *И. Бут-*
тера (Стр. 42).—Куликово Поле съ реставрированнымъ планомъ куликовской
битвы, *И. Аффрелова* (Стр. 42).—Древняя Исторія, сост. *В. Модестовымъ* (Стр.
42).—Рассказы изъ Русской Исторіи, соч. *В. Стресса* (Стр. 47).—Le denier

de la veuve, par *Pilan d'Angers* (Стр. 48).—Ваза, альбомъ шитья и вышиванья (Стр. 48).—Сокровенныя Тайны женскаго туалета (Стр. 49).— Сваха-лотерея, соч. *И. Татаринова* (Стр. 50).—Переводы: *Vie du feld-maréchal Koutouzoff, traduit du russe, par A. Fizilier* (Стр. 50).—Исторія Итальянской Оперы, соч. *Кажинскаго*, перев. *Ф. Толашинскаго* (Стр. 50).—Новыя изданія: Путь къ блаженству по Христову благовъствованію (Стр. 57).—Начальныя Правила для обученія французскому языку, сост. *Е. Ольдекопомъ* (Стр. 57).—Русская Грамматика для Русскихъ, *В. Половцова* (Стр. 58).—Совѣты молодымъ дамамъ и дѣвцамъ (Стр. 58).—Дѣтскій Театръ (Стр. 59).—Продолженіе прежнихъ изданій: Очерки Современной Жизни; томъ IX: «Рыбакъ», соч. *М. Корсини* (Стр. 60).

VII. Обзоръ открытій и изслѣдованій по естественнымъ наукамъ, сдѣланныхъ въ 1849 году. *Статья первая* (Физика и оптика). Стр. 1.

VIII. Лондонскіе пожары, пожарныя команды и инструменты. **В. С. КАРЕЛИНА.** Стр. 1.

Казаки и Степи. Стихотворенія **ГР. ДАНИЛЕВСКАГО.** Стр. 10.

Разсказъ русскаго прикащика о Ташкентѣ. Сообщено **П. И. НЕВОЛЬСКИМЪ.** Стр. 16.

Письма русскаго моряка на пути изъ Вальпарайзо до Ситхи въ 1850 году. Стр. 22.

Театральная Хроника (Русскій, французскій и нѣмецкій театры, итальянская опера и балетъ, съ 13 ноября по 13 декабря. Стр. 43.

Музыкальная Хроника. Введеніе Листа къ «Ноктюрнамъ» Фильда. Концерты Куллака и Прюдана.—Г-жа Ниссенъ-Саломанъ и ея концертъ (*новая драматическая школа въ Италіи*). Романсы г. Барышова. Стр. 67.

Журнальныя Замѣтки. 1) Замѣчанія на рецензію сочиненія «Объ историческомъ значеніи царствованія Бориса Годунова. Стр. 72. —2) Разборъ отвѣта г-на П. Б. на новый вопросъ о Несторѣ. **П. КАЗАНСКАГО.** Стр. 80.

Внутреннія Извѣстія. Извлеченія изъ Отчета господина министра Внутреннихъ Дѣлъ.—Общество страхованія скота въ 1849 году.—Внѣшняя торговля Россіи въ 1849 году.—Общій итогъ оборота нижегородской ярмарки въ 1850 году.—Заграничная торговля Одессы за октябрь минувшаго года.—Очищеніе одесскихъ портовъ.—Открытіе новаго пути для торговыхъ сношеній съ Китаемъ.—Буря въ Бердянскѣ; наводненіе въ Тифлисской Губерніи; дороги въ Бессарабіи; ураганъ въ Оренбургскихъ Стѣняхъ.—Коммиссія для разбора древнихъ актовъ въ Нижнемъ-Новгородѣ.—Открытіе коричневой краски въ Смоленской Губерніи.—Нѣсколько словъ о прошедшемъ декабрѣ, старомъ и новомъ годѣ и преимущественно о мѣсяцословѣ на 1851 годъ. Стр. 100.

Заграничныя Новости. Мнѣніе Прево относительно образованія горъ.—О срединахъ существованія ископаемыхъ животныхъ.—Замѣчанія Огюста де-Сент-Илера о распредѣленіи растеній.—Акклиматизированіе растеній.—Изслѣдованія Беккреля о причинахъ явленій электричества въ растеніяхъ.—Усовершенствованіе въ дагеротипномъ искусствѣ.—Новый способъ и приборъ Вюлета для очищенія грути.—Изслѣдованія Маршана о присутствіи іода въ прѣсныхъ водахъ.—Причины такъ-называемой морской болѣзни.—Конгрессъ противъ холеры.—Городскіе электрическіе телеграфы Дюмона.—Электрическій телеграфъ между Европою и Америкою.—Электрическіе часы.—Платина и способъ ея добыванія.—Потребленіе рыбы въ Парижѣ.—Масло, приготовляемое въ землѣ.—Спасительныя ракеты.—Замѣненіе придильной бумаги льномъ.—Торговля гутта-перчи.—Бельгійскій конкурсъ.—Исполнинская лотерея.—Кругосвѣтное плаваніе французскаго фрегата «Poursuivante».—Замѣтки г. Дома о Сагарѣ.—Нѣсколько словъ о театрахъ въ Италіи.—Новая опера Обера: «L'enfant prodigue».—Г-жа Віардо въ роли Валентины.—Сюжетъ для водевиля.—Могила Сиды. Стр. 133.

Литературныя Извѣстія. Стр. 187.

Моды. Съ *парижскою картинкою моды*.

РАЗСКАЗЪ РУССКАГО ПРИКАЩИКА О ТАШКЕНТѢ.

Въ Ташкентъ дорога идетъ изъ Петропавловска, большая колеиная, наѣзжанная: сбиться никакъ нельзя, развѣ что въ горахъ Кара-тау, что за крѣпостной Сузаномъ, переходять сутки полторы. Дорога вездѣ важная, хоть въ тарантасѣ катись, а все товары ходять на верблюдахъ, благо дешево: рублей тридцать ассигнаціями за 16 пудовъ.

Выйдемъ мы изъ Петропавловска и идемъ, начально, версть съ пятьсотъ до Акмолинскаго Приказа степью, гдѣ наши Киргизы кочуютъ. Какъ Акмолы пройдемъ, и идемъ тою дорогою, что на Аягузъ ведетъ, по казачьей линіи; а семь пикетовъ отъ Акмолы прошедши, беремъ вправо до рѣчки Сары-су, всего отъ Акмолы версть съ двѣсти-свосемьдесятъ. Съ рѣчки Сары-су опять пускаемся дальше, съ версть полтора идемъ кормами порядочными, безъ нужды въ водѣ. Послѣ того, версть съ двѣсти-пятьдесятъ, переходъ нашъ труднѣе: взаправду названо Голодной Степью! По этой по Голодной Степи, Бедь-пакъ-дала, верстахъ въ сорока да въ пятидесяти, понарыты колодцы. Не то что пятьдесятъ, и сорокъ версть пройти въ одну кочевку, подъ жарамъ, мало-мало трудно: такъ мы какъ дѣлаемъ? Запасемъ въ турсукахъ воды про-себя да для верблюдовъ, да ранѣшенько, на зарѣ, и съ Богомъ! ай-да впередъ! Версть какъ съ двадцать, али съ двадцать-пять уйдемъ, да пристанемъ, а жара смѣртная — мы и остановимся. Развѣвочимъ верблюдовъ, снимемъ съ нихъ турсуки съ водой, напоимъ лошадей, которыя, при караванѣ, у насъ подъ сѣдломъ, поставимъ и про себя самоварчикъ; верблюды и лошадки пощиплютъ травки, какую Богъ послалъ, поотдохнемъ маленечко, да и опять въ-путь-въ-дороженьку. А къ вечеру опять подходимъ къ колодцу. Такъ и сегодня, такъ и завтра, такъ и послѣзавтра: тяжело—не то, чтобъ слишкомъ-тяжко, а тоска находить страшная, пока не дойдемъ до рѣчки Чуи.

Чуя-рѣчка не малая рѣчка; а хотя она и изъ горъ взялась, стало, вода быть должна въ ней чистая и свѣжая, но, текучи по солонцамъ, дѣлается сама солончатая. По ней много озеръ, и камыша пропасть; такъ въ мартѣ и въ апрѣлѣ, когда воды въ рѣкѣ бываетъ мало, караваны переходять ее въ-бродъ, а въ маѣ и іюнѣ, въ полноводье, дѣлають изъ камыша, связками, будто снопы, плоты и переправляютъ на нихъ товары на ташкентскую сторону.

Отъ нашего берега Чуи до крайняго ташкентскаго укрѣпленія, Сузака, считается 80 версть; по дорогѣ все пески, а версть на шестьдесятъ разбросанъ саксауловый лѣсъ: только слава что лѣсъ, а дерево низенькое, приземистое, мохнатое отъ множества сучьевъ на коротенькомъ стволѣ. Кромѣ песковъ, саксаульника да колодевъ отъ перехода до перехода — ровнѣшенько ничего-таки по дорогѣ нѣтъ.

Самый Сузакъ стоитъ на ключахъ; есть и пущенныя по канавамъ воды, изъ горъ Каратау. Канавныя воды пошли всѣ по камнямъ:

дождей-то бываетъ мало, хлѣбъ-то въ землѣ безъ мокроты не растеть — вотъ пашни-то и поятъ водою изъ канавъ раза по три, да по четыре въ лѣто. По милости этихъ канавъ, хлѣбъ такъ хорошо родятся; хлѣбовъ тамъ три сорта: пшеница, ячмень или арпа и просо.

Въ семнадцати верстахъ отъ Сузака начинаются Черныя Горы, Кара-тау; караваны идутъ по нимъ ущельями. Въ первой половинѣ ущелии текутъ хорошия ключевыя и сѣговыя воды. Между прочими, тутъ есть большой ручей и при немъ могильное строеніе, въ честь человека, котораго Коканцы признаютъ святымъ и называютъ Бальк-чата, то-есть отецъ рыбы. Близъ могилы вырыто маленькое озерко, а въ него напушена рыба; она все одного сорта, въ родѣ головли; ближніе жители ее кормятъ, но не ловятъ и не ѣдятъ ее: грѣшнымъ дѣломъ считаютъ. Кругомъ могилы, на сучьяхъ висятъ висюльки разныя: дорожные люди привязываютъ тутъ, кто чѣмъ богатъ, въ жертву Бальк-чатѣ, то овчинку, то суконца кусочекъ, то веревочку, то клочокъ конскихъ волосъ.

За этой могилой мы переходимъ середину первой половины горъ: горы здѣсь не круты, есть и тележный путь. Отсюда спускаемся мы въ ущелье второй половины горъ. Тутъ ужъ онѣ круты, а дальше пойдутъ и водопады. Виды съ этихъ мѣстъ прелестныя. Отъ Сузака до Азрета весь переходъ будетъ, всего-на-все, верстъ съ восемьдесятъ, и послѣднія сорокъ верстъ мѣсто выходитъ больше, гладкое.

Въ Азретѣ, или, все-равно что въ Туркестанѣ, воды съ горъ доходить мало, особенно весной: ее перенимаютъ Киргизы, рода Курама, которые живутъ близъ горъ и сѣютъ много хлѣба. Изъ-за этого у Киргизовъ выходитъ съ Туркестанцами неудовольствіе и жалуются они другъ на дружку своему правительству.

Хороша тамъ выдумка перенимать воду и пускать ее съ низменнаго мѣста на возвышенное, для поливки пашень. Вотъ какъ это дѣлается просто. Бѣжитъ, примѣрно, какой-нибудь ручей или рѣчка. Вотъ съ одной стороны и подходятъ къ нему, съ горки, канавкой; чѣмъ дальше ея идутъ, тѣмъ стѣнки канавки дѣлаются выше. Когда земляными работами почти совсѣмъ подкопаются къ ручью, такъ ни же того мѣста, гдѣ должно проходить устье канавки, дѣлаютъ плотину изъ камней, просто, безъ хитростей наваленныхъ. Какъ плотинку эту укрѣпить, устье-то канавки къ ручью и подкопаютъ. Вода-то ручья, попрежнему, бѣжитъ быстро, да какъ до плотинки дойдетъ, то и станеть ударяться въ камни и, не имѣя дальше хода попрежнему пути, ищетъ себѣ новаго мѣста, напираетъ на устье вновь-сдѣланной канавки, постоянно ее наполняетъ; воды скопляется больше и больше; стѣны въ канавкѣ высоки; водѣ въ сторону некуда разлиться: она тихо, помаленьку, и идетъ вверхъ въ гору и наполняетъ всю канавку. А оттуда-то ее и пропускаютъ на пашни, куда слѣдуетъ.

Отъ Азрета до торговаго города коканскаго владѣнія, Ташкента, будетъ верстъ съ двѣсти-шестьдесятъ, или съ двѣсти-семьдесятъ. Здѣсь идемъ мы и жильями осѣдлыхъ Ташкентцовъ, и кочевьями Киргизовъ, и полями, засѣянными цытварнымъ сѣменемъ, и пашнями. Верстахъ въ двѣнадцати отъ Ташкента переходимъ рѣчку Калясъ. За

рѣчкой идутъ сады и дачи разныхъ хозяевъ, а потомъ пойдутъ фруктовые сады. И вездѣ-то канавки прорыты, по вѣсьмъ садамъ даже, для поддержанія растительности въ бездождное время. Работа тамъ ничего не стоитъ и всякій трудъ, при бѣдности жителей, такъ дешевъ, что копотливая работа надъ канавками и многое ихъ число несколько дивить никого не должны. И у насъ бы, въ Россіи, канавки такія куда бы хороши были, да расходъ-то на нихъ никогда и ничѣмъ не окупится, притомъ, мы и понятія имѣть не можемъ о нищетѣ Азіатцевъ и о томъ, какъ немного для нихъ нужно, чтобъ поддержать жизнь свою и свести концы съ концами; все, вѣдь, это голъ трепетная: народъ и дикъ, и бѣденъ, и невѣжественъ, и не знаетъ, что его ожидаетъ завтра — останется ли у него приобрѣтенный сегодня кусокъ насущнаго хлѣба, или бекъ его отниметъ и лишитъ чедовѣка, ни-дай-ни-вынеси, всего имѣнія, безъ всякой вины и безъ всякаго суда.

Послѣднія четыре версты къ Ташкенту ѣдемъ мы все садами; наконецъ подъѣзжаемъ къ городской стѣнѣ, проходимъ сквозь ворота и вступаемъ въ самый Ташкентъ.

Городъ Ташкентъ — чисто-азіатскій городъ. Улицы кривыя и такія узенькія, что одна телѣга только и можетъ свободно проѣхать, а ужъ если двѣ встрѣтятся вмѣстѣ, то ужъ никакъ не разѣхаться. Весной всюду грязь такая, что не приведи Господи: ни пройти, ни проѣхать иначе нельзя, какъ верхомъ на лошади, и та, бѣдная, вязнетъ-вязнетъ, насилу выкарабкается можетъ, а потомъ опять пошла мѣсить грязь по колѣни.

Вдоль улицъ тянутся глиняныя стѣны; домовъ горожанъ и никакихъ другихъ строеній не видно. Самые дома выстроены внутри двора, за стѣной; поэтому видъ на улицы очень-скучный. При иныхъ домахъ, которыхъ въ Ташкентѣ считается до четырехъ тысячъ, имѣются фруктовые сады. Азіатскіе дома невелики; въ нихъ помѣщается только самъ владѣлецъ съ своимъ семействомъ; найма квартиру посторонними жильцами не бываетъ.

Ташкентцы, какъ и вѣсь Азіатцы, живутъ—на наши глаза—и холодно и голодно. Домъ у нихъ глиняные; оконъ нѣтъ; всюду дуетъ; для тепла въ комнатѣ на полу разводять костеръ: на немъ и пищу готовить, около него и семья грѣется. Столовъ, стульевъ, наръ или скамеекъ тоже нѣтъ; полъ устилается кошками и простыми коврами: тутъ люди и спать, и ѣдать, и работать.

На ѣду они не прихотливы; коли есть пловъ съ бараниной—такъ ужъ это большой праздникъ; а то накладываютъ въ котель крупъ или муки, крошатъ какой-нибудь зелени, кинуть баранью кость—вотъ и весь обѣдъ.

Одежда ихъ такая же, что и у Бухарцовъ: рубаха ниже колѣнъ, въ родѣ нашей женской рубахи, но съ длинными и широкими рукавами и съ проймой для прохода головы; отложнаго воротничка, какъ у нашихъ Татаръ и Киргизовъ, нѣтъ; мужицкія шаравары «штанъ» подвязываютъ около поясицы; вмѣсто чулковъ—онучи «чулгâu» изъ бумажнаго холста, какъ и вся одежда; высокіе сапоги до колѣнъ, всегда черные; сверхъ нихъ башмаки зеленые изъ кожи, называемой сауръ.

Сверхъ рубахи надѣвается сначала бумажный халатъ похуже, длинный и неширокій, съ кармашками на груди и съ разрѣзомъ около конца рукавовъ, на пол-аршина выше, для того, чтобъ, при умовеніи, не скидывать халата совсѣмъ и не засучать рукавовъ, къ низу узенькихъ, а спустить часть ихъ съ кисти руки черезъ эту прорѣху, а ужъ потомъ и приподнять къ локтю. Этотъ халатъ завязывается на груди тесемками, одинаковыми съ прочею матеріею; къ нему идетъ широкій, гладкій кушакъ. Потомъ надѣвается другой халатъ, обыкновенно полушелковый; онъ длиннѣе и шире перваго, тоже съ тесемками, но носится и нараспашку, или подвязывается широкимъ кушакомъ, похожимъ на шарфъ; кушакъ этотъ есть просто четыре, пять или болѣе неразрѣзанныхъ платковъ кустарнаго издѣлія, пятикопеечныхъ. У Ташкентца всегда за поясомъ съ правой стороны бумажный носовой платокъ, только для вида, а съ лѣваго бока маленькій ножикъ. У чиновниковъ заткнуты за поясомъ съ лѣвой же стороны, или кривой кинжалъ, или сабля, или прямой ножикъ съ костяною или каменною ручкой. На бритой головѣ надѣвается сначала «каляпошъ», то-есть островерхій тюбетей, а потомъ «салля», чалма изъ бумажной матеріи. Въ холода надѣвается тулупъ, крытый бумажною или полушелковой матеріею; онъ тоже надѣвается въ рукава и подвязывается кушакомъ.

Коканскій владѣтель носить титулъ бека; зовутъ его Худояръ-ханъ. Онъ молодой человекъ и не имѣетъ большой власти; коканскимъ ханствомъ владѣютъ Киргизы кыпчацкаго рода. Всѣми дѣлами управляютъ Мин-Баши. Но люди въ этой должности часто мѣняются.

Войска на постоянномъ содержаніи у коканскаго бека мало, и если случится съ сосѣдомъ война, то собирается ополченіе, болѣе всего изъ Кыпчаковъ, а настоящіе природные Коканцы, особенно Таджики — трусливы. Войску, при началѣ войны, раздаютъ сарпай, то-есть халаты изъ красныхъ суконъ, шаравары, сѣдла, сапоги, а деньгами, смотря по людямъ, по червонцу и по два червонца на брата, а чиновникамъ, глядя, у кого какой чинъ — и десять, и двадцать червонцевъ на все время войны, то-есть на мѣсяцъ или на полтора мѣсяца: вѣдь долго война у нихъ не можетъ длиться — ни запасовъ не станетъ, ни терпѣнья служить ни у кого не хватитъ. Простымъ воинамъ даютъ еще и лошадь, если ея у него нѣтъ. Въ Коканѣ войско только конное, а пѣшаго, какъ у Бухарцовъ, нѣтъ. Вооруженіе войска слабое: у кого есть ружье — ладно, а нѣтъ — такъ и не нало; больше все сабли, да копыя. Въ самомъ городѣ Коканѣ есть и артиллерія: четыре или пять пушекъ и штукъ съ двадцать язаидей, или большихъ ружей: ихъ возятъ на тележкахъ, прикрѣпивъ къ оси, да такъ съ телегъ и стрѣляютъ!

Ходили мы, разъ, съ караваномъ въ Ташкентъ. Это было въ 1847 году. Дошли мы до Сузакъ благополучно: Кенисары ужъ не было на свѣтѣ, безпокойствъ каравановъ стало нѣкому; въ нашей степи Киргизы смиреннѣе — намъ и съ-пола-горя было идти дорогою. Въ Сузакѣ ожидалъ насъ высланный къ намъ навстрѣчу чиновникъ проводить насъ до Азрета. «Что бы, молъ, такое это значило?» думали

мы, да и давай разспрашивать. Открыли, что у азретскаго бека вышли съ главнымъ коканскимъ бекомъ, или ханомъ, превратныя обстоятельства. Ханъ требовалъ отъ него дани, а тотъ отказался, угрожая сдѣлаться отдѣльнымъ правителемъ. Ханъ, какъ прослышалъ о томъ, и собралъ тысячу двадцать войска и главнымъ начальникомъ надъ нимъ велѣлъ быть ташкентскому беку, Асизу. Бекъ Асизъ подошелъ къ Азрету, окружилъ его и началъ по немъ стрѣлять; оттуда тоже стрѣляли въ войско пулями. Вотъ они другъ въ дружку стрѣляли-стрѣляли, да и бросили эту потѣху: ничего сдѣлать не могли. Бекъ Асизъ не хотѣлъ, однако, даромъ домой воротиться, не отсупалъ отъ стѣнъ городскихъ и простоялъ подъ ними ровно полгода. Наконецъ, ханскіе воины разбили глиняную стѣну, спустили къ ней изъ канавъ воду, вода подмыла крѣпость и жители Азрета сдались; одни военнослужащіе Азретцы собрались въ небольшомъ кремлѣ, гдѣ мечеть Азретъ-султана и могила Ходжи-Ахмета, и отстрѣливались отъ ташкентскихъ воиновъ. Только вдругъ вышли новыя превратныя обстоятельства.

Въ Коканѣ ханъ смѣнилъ главнаго начальника, мин-баши, Мусул-Ман-Кула и назначилъ на его мѣсто другаго Кыпчака. Бекъ Асизъ, раздосадовавъ, что смѣнили знакомаго его Мусул-Ман-Кула, съ которымъ онъ обдѣлялъ свои дѣла и жилъ въ дружбѣ и согласіи, написалъ азретскому беку записку, просилъ его сдать и не вести войны и обѣщавъ отпустить его въ Бухару и не представлять хану для наказанія за непослушаніе. Азретскій бекъ отправился въ Бухару, а бекъ Асизъ поставилъ въ Азретѣ отъ себя начальниковъ, а самъ съ войскомъ возвратился въ Ташкентъ.

Новый мин-баши прислалъ къ Асизу беку въ Ташкентъ приказъ, чтобъ онъ слушался его и признавалъ его такъ же, какъ и прежняго мин-баши Мусул-Ман-Кула; но бекъ Асизъ объявилъ посланцу, что новаго мин-баши онъ и знать не хочетъ. Вслѣдствіе того изъ Кокана наряжено было новое войско, и опять двадцать тысячъ человекъ. Они подошли къ Ташкенту и окружили его; но Асизъ-бекъ заперъ всѣ ворота и не пустилъ ихъ въ городъ. Ханское войско начало въ городъ стрѣлять; ташкентскіе жители стали отстрѣливаться; перепалка продолжалась ровно шесть недѣль: все это время Ташкентъ былъ въ атакѣ. Ханское войско, увидѣвъ, что ему не взять города, въ одну ночь собралось и воротилось въ Коканъ. Бекъ Асизъ получилъ объ этомъ извѣстіе скоро, но не повѣрилъ ему, считалъ его за обманъ, долго не давалъ своимъ жителямъ свободы и не выпускалъ ихъ изъ города по хозяйству, поправить сады и пашни, чѣмъ Ташкентцы только и живутъ. Наконецъ бекъ Асизъ наложилъ на горожанъ, для покрытія военныхъ издержекъ, по 30 серебряныхъ монетъ—съ нашъ двугривенный каждый—съ каждаго дома. Горожане съ своей стороны тайно послали въ крѣпостцу Крейучи (что между Ташкентомъ и Ходжентомъ) извѣстіе къ тамошнему начальнику, прося его защиты и обѣщаясь сдать ему всю Ташкентію.

9-го августа 1847 года началась въ Ташкентѣ рѣзня: въ-теченіе рехъ часовъ убито до восьмисотъ человекъ! Долго послѣ того жи-

тели никакъ не умѣли растолковать мнѣ хорошенько причины—изъ-за чего столько крови пролито? Я былъ въ это время самъ въ Ташкентѣ и, не зная, останусь ли живъ, закопалъ всѣ свои наличныя деньги въ землю, въ углу караван-серая.

На слѣдующее утро послѣ рѣзни, пріѣхалъ изъ крѣпостцы Крейучи, тамошній начальникъ, и взялъ Ташкентъ. Между-тѣмъ въ Коканѣ, когда ханское войско возвратилось туда безуспѣшно, не могли назначать Асиза бека, новаго мин-баши смѣнили и возвели на его мѣсто прежняго Мусул-Ман-Кула, а прежняго ташкентскаго бека Асиза вызвали въ Коканъ, гдѣ онъ, неизвѣстно никому за что (но не за старую вину, которая тамъ и въ вину не ставится), черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по пріѣздѣ былъ убитъ, а правитель Крейучи, со времени взятія Ташкента, сдѣлался его правителемъ.

Вотъ какая сторона Ташкентъ: ни управы, ни расправы, ни повиненія, ни закона, ничего нужнаго нѣтъ! Коканское владѣніе и государствомъ-то стыдно назвать: такъ, себѣ, владѣніе, сбродъ и богатыхъ и бѣдныхъ, но вообще дикихъ, грубыхъ Азіатцовъ, въ сравненіи съ которыми наши мужики-Татары просто господа и просвѣщенные люди.

А для русскаго купца Ташкентъ важная сторона: и въ Кошкаръ и въ Бухару почти-что рукой подать. Въ Кошкаръ изъ Кокана каждую недѣлю ходятъ караваны, и везутъ на потребу неизвѣстныхъ намъ странъ русскіе товары, сукно, цвѣтной плисъ, каленкоры, миткали, желѣзо, чугуны.

Жаль одно, что наши господа купцы-хозяева не шлоутъ туда учиться торговому дѣлу съ Азіей своихъ сынковъ; не тѣхъ, что привыкли гулять да тратить на пустыки батюшкины денежки, а вотъ бы такихъ, что учились въ общественныхъ заведеніяхъ и были бы по уму, да по смѣткѣ не то, что нашъ братъ простой прикащикъ. Да и что мы выдумаемъ новаго и придумаемъ полезнаго въ этой торговлѣ: намъ бы только хозяйскій товаръ сбыть, да повыгоднѣе обмѣнять его на плохой азіатскій. Въдѣ что такое азіатскіе товары, кромѣ хлопка, морены (и то не лучшаго сорта), да звѣрья? Сушенныя ягоды да бумажныя выбойки, бузи и халаты! Не-ужь-то ужъ нечего и вывезти по существу этого? А поѣдетъ самъ купецъ — онъ для себя самого подумаетъ и непременно сдѣлаетъ что-нибудь и новое, и хорошее, и выгодное.

Самимъ хозяевамъ, говорятъ, и тяжела, да и опасна дорога. Прошли ужъ тѣ времена, когда дороги степями бывали опасны: ни Киргизы, ни другіе народы купца волоскомъ не задѣнутъ; а что дорога трудна—такъ, право, легче перенести трудность степнаго пути, чѣмъ обыкновенныя житейскія лишенія и сердечныя огорченія — хоть бы за карточнымъ столомъ.